РУССКАЯ ГЕЙША:

СЕКРЕТЫ ОБОЛЬЩЕНИЯ

Искусство танца, техника эротического связывания – всё ради его верной любви...

18+

Таня Кадзи

Таня Кадзи

Русская гейша.
Секреты обольщения

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кадзи Т.

Русская гейша. Секреты обольщения / Т. Кадзи — «Автор», 2015 — (Русская гейша)

ISBN 978-5-699-81338-4

Пройдя обучение в элитной школе японских жриц любви, Таня Кадзи становится первой русской гейшей. Стать ее клиентом – мечта каждого мужчины. Таня делится секретами обольщения с девушками, которых берет к себе на курсы. Искусство танца и массажа, высочайшая эрудиция, изящные манеры – все это русская гейша продолжает доводить до совершенства. А еще овладевает старинной техникой эротического связывания шибари…

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-81338-4

© Кадзи Т., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Вступление 5
Свиток первый. 6
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Ольга Лазорева, Таня Кадзи
Русская гейша. Секреты обольщения

Вступление

«Моя любимая принцесса, простишь ли ты когда-нибудь меня? Но другого выхода я не вижу. Небо зовет меня. Сегодня страшное подозрение о правильности содеянного и вообще о выбранном пути убивает меня. Я словно прозрел. И все, что говорил Учитель, увиделось мне в другом свете, далеком от истины. Не хочу больше! В этой сумке деньги для тебя. Не трогай мое тело и немедленно улетай обратно. Власти все сделают сами. Билет на самолет до Токио в кармашке сумки. А оттуда – домой, моя принцесса. Ты сильная, и помни, что любовь есть и на небе. Живи и прощай!»

Едва сдерживая слезы, я долго смотрела на эти строчки. Потом прижала измятый пожелтевший листок к груди и все-таки расплакалась. После смерти моего любимого прошло уже так много времени, но я все еще не могла забыть его. Наверное, поэтому я вновь возвращаюсь к своим записям. Хочется вспомнить события моей жизни и изложить их на бумаге.

Петр покончил с собой 21 марта 1995 года сразу же после газовой атаки в токийском метро, к которой, я почти уверена, он был причастен. Он сделал себе харакири практически на моих глазах. Мой несчастный возлюбленный являлся монахом печально известной секты «Аум Синрикё». Я, восемнадцатилетняя и плохо разбирающаяся в жизни девчонка, находилась в тот момент рядом с ним. Мы тогда жили в Наха, столице Окинава. Приехали туда из Москвы за месяц до этих терактов. В Японию его вызвали якобы по работе. Петр был химиком, но после того, как он сказал, что трудится на закрытом оборонном предприятии, в подробности его работы я не вникала и больше вопросов не задавала. Мы всего несколько месяцев жили вместе. И я постоянно находилась в эйфории, так как была абсолютно и безусловно счастлива. И никого и ничего не видела вокруг, кроме моего любимого. Тяжело вспоминать все это. Спустя годы, мне кажется невероятным, что я смогла перенести его смерть.

Кроме этой записки, от Петра у меня остался сборник стихов японских поэтов и три записные книжки. Две были заполнены. А третья, с изображением красного дракона на черной обложке, была пуста. И я стала записывать в нее, по примеру Петра, цитаты, афоризмы, какие-то высказывания, казавшиеся мне интересными. Позже я купила общую тетрадь голубого цвета с цветами сакуры на обложке. И в нее также начала вносить записи. И неудивительно, что все они, за небольшим исключением, были так или иначе связаны с Японией. Ведь я, по прихоти своей странной судьбы, стала гейшей.

Свиток первый.
Поникшая плеть плюща.

В конце мая я взяла в школе месяц за свой счет и ушла в отпуск до конца лета. И все время решила посвятить работе в агентстве «Аямэ».

1 июня у нас было последнее выступление перед каникулами в актовом зале школы. Я немного волновалась, глядя на своих оживленных, веселых и проказливо настроенных учеников, радующихся окончанию учебного года. Мы подготовили четыре танца специально для этого вечера, но моих сольных номеров в программе не было. Когда за полчаса до начала концерта я еще раз проверяла наличие костюмов для каждого танца, в гримерную заглянул господин Ито.

– Вот ты где, Таня! – живо проговорил он, входя и улыбаясь.

– Здравствуйте, Ито-сан, – обрадованно произнесла я, с удовольствием оглядывая его кругленькую невысокую фигуру, пухлые блестящие щеки и узкие щелочки черных глаз.

Господин Ито всегда разительно напоминал мне колобка пятидесятилетней давности выпечки, и это вызывало невольную улыбку. Я отвернулась, чтобы скрыть ее, встряхнула ярко-фиолетовое платье, с подолом в виде лепестков сливы, и аккуратно повесила его на плечики. Потом, приняв умиротворенное выражение, повернулась к господину Ито и извинилась за то, что не могу уделить ему время.

– Ничего, Таня, – еще шире заулыбался он. – Это я не вовремя. У тебя скоро выступления. Будут только твои воспитанники или ты порадуешь нас и своими собственными, всегда такими восхитительными номерами? – спросил он.

– Я решила больше не танцевать в одной программе с детьми, – ответила я.

– Вот как, – тихо проговорил господин Ито. – Хотя я тебя понимаю. Ты же настоящий профессионал, а дети только ученики.

– Вот именно, Ито-сан! Хорошо, что вы это понимаете. А то меня все просят о выступлении, и даже Михаил Феликсович!

– Ах, он старый грешководник! – захихикал господин Ито и погрозил пальцем.

– Кто?! – рассмеялась я. – Вы, наверное, хотели сказать: греховодник?

– Наверное, – подтвердил он. – Но я правильно употребил это слово по смыслу?

– Думаю, не совсем, – с улыбкой ответила я. – Но вообще-то это вышедшее из обихода понятие, означает – распущенный мужчина.

– О, нет! – испугался господин Ито. – Конечно, Михаил-сан совсем не такой! Он – достойный господин. А русский язык по – прежнему для меня непостижимый.

– Ну что вы! – улыбнулась я. – Вы прекрасно говорите. Если бы я могла так на японском!

– Зато ты отлично владеешь английским, – став серьезным, заметил господин Ито. – И вот что, Таня, я заглянул сюда, чтобы пригласить тебя на одну вечеринку. Вчера прилетел из Токио очень важный для меня деловой партнер…

Господин Ито замолчал, не договорив, и о чем-то задумался. Я ждала, не нарушая его размышлений.

– Понимаешь ли, – продолжил он, – мы, японцы, в отличие от вас, русских, очень осторожные люди. Не в обиду! – добавил он и погладил мое плечо. – И консервативные. Фирма для нас – вторая семья. Молодой человек, окончив институт, поступает на работу в какую-нибудь фирму и до конца дней он – член этого коллектива. И бывает так, что начиная работать в качестве хирасяин, то есть рядового сотрудника, он доходит по служебной лестнице до сятё, президента фирмы. Большое это предприятие или маленькое – значения не имеет. Это все равно одна семья, в которой очень сильно развито… сю: дан исики. Как бы точнее переве-

сти? Ближе по смыслу – групповое сознание. Сотрудники знают не только друг друга, но и родных своих коллег, их дни рождения, события их жизни. Они – малая, но неотъемлемая часть одного огромного организма. Понимаешь, так выгодней для бизнеса. Кто захочет навредить своей семье или уйти из нее? У нас такие традиции. И от этого такой технический прогресс. Крупные японские концерны не пострадали даже во время Второй мировой войны. Американцы пытались их расчленить, но у них ничего не вышло. Существуют старейшие торговые дома еще со времен Токугавы[1], и им верны целые трудовые династии.

– Да, это прекрасно, – сказала я, видя, что господин Ито вновь замолчал, и удивляясь его длинной речи.

Обычно он был менее многословен.

– Но это имеет и оборотную сторону, – продолжил он. – При заключении контрактов с другими фирмами возникают определенные сложности чисто психологического характера. Как бы тебе проще объяснить? Это все равно как смотрины жениха и невесты. Две семьи приглядываются друг к другу и пытаются понять, чего ждать от противоположной стороны хорошего, а чего плохого. Поэтому наши переговоры всегда затягиваются. Представители долго и обстоятельно общаются, а потом делают выводы.

– Это закономерно, – сказала я.

– Я тебя утомил? – вдруг спохватился господин Ито и встревожено заглянул мне в глаза.

– Нет, конечно, – улыбнулась я. – Вам нужна моя помощь?

– На этой вечеринке, на которую я тебя приглашаю, будет господин Миура. И мне очень нужно произвести на него благоприятное впечатление. Ты же знаешь, как у нас высоко ценят общество гейш. И мне хотелось бы, чтобы ты появилась именно в этом качестве.

– С радостью, – ответила я, не понимая этого длинного вступления.

Я и до этого с удовольствием выступала на приемах господина Ито, соответственно одетая и загримированная.

– Если хотите, то можно взять моих девушек Сакуру и Идзуми, – предложила я.

– О! Вот это как раз абсолютно исключено, – быстро ответил господин Ито.

И меня такой ответ изрядно удивил. Я, чтобы скрыть замешательство, отвернулась и сделала вид, что очень занята одним из костюмов бабочки. Расправляя цветные шелковые крылья, я ждала продолжения, но господин Ито молчал.

Сакура и Идзуми, настоящие имена их были Нари и Майя, работали у меня в качестве гейш. Мы, правда, начали нашу деятельность недавно, чуть больше полугода назад, но девушки уже активно выступали, попутно проходя обучение. Основы искусства гейши давала им только я. И мне казалось, что все у нас замечательно получается. И отбоя от клиентов не было. В основном, нас приглашали на корпоративные вечеринки, частные семейные праздники, бывало, что и на фуршеты после деловых приемов. Я сама постоянно выступала вместе с девушками в качестве гейши Аямэ. Но нас просто не хватало на огромную столицу. И часто приходилось отказываться от очень выгодных предложений. Я искала новые кадры, но это было не так-то просто. Девочки приходили одна за другой, но почти все отсеивались уже в процессе собеседования. А с несколькими, показавшимися мне на первый взгляд вполне перспективными, я рассталась после первых же уроков.

– Понимаешь ли, Таня…, – начал после паузы господин Ито.

И я с готовностью повернулась к нему, отложив в сторону шелковые крылья.

– Ты остановилась в своем развитии, – немного волнуясь, продолжил он. – Настоящая гейша учится ежедневно во время всей своей карьеры, это ты должна понимать. Я не знаю, кто тебя обучал в Токио, но это главное правило должны были внушить первым делом.

---

[1] Токугава – правящая династия Японии в период с 1600-го по 1868 г.

– Я брала уроки основных дисциплин у владелицы чайного дома госпожи Цутиды и участвовала в вечеринках с гейшами, – тихо проговорила я.

– Пойми, Таня, ты основала свое дело, и я хочу помочь советом. В любом случае профессионализм необходим, работаешь ты уборщицей женского туалета, президентом гигантской компании или гейшей в чайном доме. А профессионализм достигается только упорной беспрерывной учебой и постоянной работой над своим мастерством. Согласна?

Я молча кивнула, но на душе стало неприятно. Никак не ожидала, что господин Ито будет критиковать меня. Я-то была уверена, что достигла каких-то вершин и мое дело будет идти только в гору.

Господин Ито, будто прочитав мои мысли, сказал:

– Если ты сейчас остановишься в развитии, то и твое дело встанет, а потом пойдет на спад. Это всем известный закон. Если нет движения – начинается застой. А твои девушки – это просто красивая стилизованная картинка, далекая от сути настоящих гейш.

– Но все в восторге, – попробовала я защититься.

– Допускаю, что для Москвы вы пока в диковинку, этакий лакомый кусочек экзотического блюда, – сказал с улыбкой господин Ито. – Но что будет дальше, когда вами пресытятся? Подумай об этом. И начинай работать.

– Я поняла, Ито-сан.

– И еще, Таня, – задумчиво добавил он, – что-то погасло внутри тебя. Уж не знаю, что произошло, но ты изменилась, и не в лучшую сторону.

Я вздохнула. Никто не знал, что год назад я оказалась в сексуальном рабстве, и воспоминания об эти кошмарных днях, несмотря на все усилия забыть, стереть из памяти этот эпизод моей жизни, все еще периодически мучили меня. И я все еще так и не могла заниматься сексом.

– Так что же с приглашением на вашу вечеринку, Ито-сан? Я вам больше не подхожу в качестве гейши? – спросила я и не смогла скрыть легкую обиду.

– Подходишь, Таня! На данный момент ты – единственная гейша в этом городе. Но тебе нужно начинать работу над собой, если ты хочешь стать настоящим профессионалом, – серьезно ответил он. Но тут же улыбнулся и добавил более мягким тоном: – Я был резок и прям с тобой, будто ты мужчина. Позволь загладить свою вину и пригласить тебя сегодня после концерта в ресторан.

– Татьяна Андреевна, мы пришли переодеваться, – раздался тонкий голосок.

И в комнату заглянула одна из учениц «Нодзоми». Она немного смутилась, увидев господина Ито. Но тут же вежливо поздоровалась и сделала реверанс.

– Все, ухожу, – улыбнулся он. – Не буду вам мешать.

Концерт прошел замечательно. Из-за кулис я наблюдала за выступлением ребят и, не переставая, думала о словах господина Ито. Действительно, я совсем забросила собственную учебу и успокоилась, решив, что все знаю и все могу. А ведь госпожа Цутида говорила мне, и не один раз, что обучение не прекращается, и гейша должна постоянно быть на пике вдохновения, таланта и мастерства, постоянно учиться, не пренебрегая ничем и не упуская ни одной мелочи. Как внешний, так и внутренний облик должен быть всегда на высоте. И состояние души тогда будет соответствующее.

Из тетради лекций госпожи Цутиды:

«Каждая гейша сама наносит макияж. Ее «старшая сестра» первый раз помогает ей в этом. Впоследствии ученица уже сама решает, какое количество розового надо добавить, чтобы оживить белоснежное лицо, и насколько большую площадь губ покрыть «бени» – ярко-красной краской для губ, которую делают из сафлоры. Все эти детали отражают ее индивидуальный стиль.

Первый шаг – взять немного похожей на воск субстанции, называющейся «бинтцуке абура», и разогреть между ладонями. Основная составляющая – ягоды Toxicodendron succedaneum. Древесный воск использовался в косметике Японии тысячелетиями. Чтобы сделать его мягче, его смешивают с небольшим количеством кунжутного или арахисового масла и добавляют отдушку – алое или гвоздику.

Гейша мягко втирает «бинтцуке абура» в лицо, шею и верхнюю часть спины. Это липкая основа, на которой лучше держится белая краска. Потом она разводит белую основу, называющуюся «нери-осирои» водой до требуемой консистенции: более плотную – для традиционного макияжа, более тонкую – для менее формального и более «натурального» вида. Используя плоскую широкую кисть, быстрыми мазками наносит белила на кожу. Сейчас белила больше похожи на актерский грим, но раньше в их ингредиенты входили свинец, ртуть и цинк, что очень портило кожу и придавало ей впоследствии желто-серый оттенок. Затем наносится рисовая пудра.

Ученицы оставляют две полоски чистой кожи на задней стороне шеи, повторяющие линии роста волос, а три – для официальных случаев. Они пользуются шаблоном, когда наносят «осирои», чтобы полоски получились ровными.

Уголки глаз подводят линией красного «бени». Изначально такая линия была призвана отвести неудачу от ее обладателя. Брови красят слоем красной краски, затем вычерчивают угольно-черным карандашом. Современные гейши используют жидкую подводку, щипцы для ресниц и тушь.

При подкрашивании губ ученица красит только нижнюю губу, оставляя верхнюю под слоем белил. Через год она красит уже обе губы. Традиционный вид предполагает маленькие красные губы, которые рисуются меньшего размера, чем настоящие.

Волосы ученицы в соответствии с одним из шести стилей все еще покрывают воском, гладят и пропитывают маслом, из-за этого они вынуждены спать на маленькой деревянной «подушке», поддерживающей только шею. Старшие гейши могут позволить себе разные прически, но с 50-х годов для полного облачения гейши всегда надевают парик.

Сейчас большую часть рабочего времени гейша не носит белого макияжа и длинного кимоно, которые стали их символом на Западе. Этот костюм используется только для официальных случаев. Обыкновенно они укладывают волосы в несложную прическу, используя шиньоны».

Когда я вышла из школы, было уже довольно поздно. Но машина господина Ито стояла в переулке. Я, отчего-то немного волнуясь, быстро направилась к ней. Водитель тут же вышел и распахнул передо мной заднюю дверь.

– Спасибо, – тихо произнесла я, забираясь на сидение.

– Куда поедем? – непринужденно поинтересовался господин Ито и посмотрел на меня с явным вожделением.

Раньше наши отношения были не только дружескими, но и интимными. Но после моего освобождения из рабства, я мягко несколько раз отказала ему. И он больше не настаивал и даже, следуя своей японской сдержанности, не стал выяснять причину моего поведения.

– Мне все равно, – тихо ответила я, опуская ресницы.

– Может, ты устала и лучше отвезти тебя домой? – спохватился господин Ито и шумно вздохнул.

«Ну прямо пышущий жаром колобок», – почему-то пришло на ум забавное сравнение, и я не смогла сдержать улыбки.

– Так что? – тут же оживился он и развернулся ко мне всем своим кругленьким телом.

– Я бы выпила чашку чая, – тихо ответила я, продолжая улыбаться кончиками губ.

– Да, сейчас было бы идеально оказаться на тяною[2], – подхватил господин Ито.

Но по его заблестевшим глазам я поняла, что он мечтает совсем о другом.

– Ты бы все-таки подумала о том, чтобы использовать твою репетиционную для этого. А то такое прекрасное помещение зря пропадает, – неожиданно сказал он и вновь шумно вздохнул.

В моем офисе имелась большая комната, где я занималась с девушками. И господин Ито не раз предлагал оборудовать ее для проведения чайной церемонии.

– Возможно, вы правы, – согласилась я. – Но пока…

– Вот что, Таня, ты сама не знаешь, чего хочешь, – решительно произнес он. – Поэтому поедем ко мне.

Водитель тут же тронулся с места. Я усмехнулась, так как господин Ито жил в двух шагах от школы в огромной съемной квартире на Малой Ордынке. Туда мы вполне могли отправиться и пешком.

Когда мы вошли в темный коридор, я первым делом сняла туфли на высоких каблуках и босиком прошла в ванную. Буквально через минуту заглянул господин Ито и молча протянул мне шелковый, стального цвета халат. Я не смогла сдержать улыбку, увидев на нем узор из листьев конопли.

– Извини, Танюша, верхнего женского кимоно в доме нет. У меня есть только дзюбан. Если хочешь, то надень.

Хочу пояснить, что одежда у японцев традиционно многослойная. Дзюбан – это нижнее женское кимоно, обычно в виде прямого узкого халата, и соответствует нижней рубашке.

Господин Ито ушел, а я задумалась. Переодеваться не входило в мои планы. Было уже очень поздно, я устала от волнения на концерте моих учеников и хотела уехать домой и лечь спать. Но в то же время мне очень не нравилось обижать господина Ито. Я была многим ему обязана.

Вздохнув, я сняла платье и белье. И тут только заметила, что в углу довольно большой ванной комнаты господин Ито пристроил фуро.

Фуро – это традиционная японская ванна, но она кажется нам непривычной, так как сделана в виде высокого чана. Внутри он обычно выложен керамической плиткой. В нем есть маленькая приступочка, на которой можно сидеть. Японцы любят находиться в таком чане в нестерпимо горячей воде. Когда в Токио я первый раз попробовала принять традиционную ванну, то не смогла вытерпеть и минуты, мне казалось, что я опустилась в кипяток. Но потом я попробовала еще раз и, посидев какое-то время, даже начала получать удовольствие, так как горячая вода странно расслабляла не только тело, но и психику. И после фуро я чувствовала необычную и приятную легкость, как будто освободилась от какой-то тяжести.

В квартире господина Ито были смешаны различные стили. Его семья постоянно жила в Иокогаме, а он большую часть времени из-за бизнеса проводил в Москве. Сняв эту квартиру, господин Ито переделал только свою спальню, обставив ее в чисто японском стиле. Но другие комнаты оставались европейскими по виду, в частности огромная гостиная, где он проводил свои приемы. Ванная также была европейской. В одном углу находилась ванна-джакузи, рядом располагалась душевая кабина. Мне очень нравился розовый в белых прожилках мрамор, которым была отделано помещение. И я с удовольствием любовалась своим отражением в огромном зеркале напротив душа. И вот господин Ито решил установить фуро. Видимо, без этой процедуры он обходиться уже не мог. Я глянула на высокий округлый чан, подумала с минуту, но все-таки забралась под душ. Косметику смывать не стала, только чуть подправила. Накинув дзюбан, остановилась в раздумье. Из ванной было два выхода, один – в спальню, дру-

[2] тяною – чайная церемония.

гой в коридор. Я вышла в коридор и увидела, что господин Ито включил небольшие розовые бра, развешанные вдоль стен.

«Значит, он ждет меня в гостиной», – поняла я и улыбнулась с облегчением.

И действительно, господин Ито сидел на диване возле уже накрытого маленького овального столика. Возле него я с изумлением заметила футляр сямисэна.

– Проходи, Таня, – чуть охрипшим голосом произнес господин Ито, окидывая меня жадным взглядом. – Ты прекрасна даже в дзюбан, – добавил он с улыбкой.

И его глаза блеснули. Я приблизилась и села рядом, машинально поправляя расползающиеся шелковые края.

– Я бы сказал… – господин Ито замолк и призадумался. Потом тихо добавил: – …сибуй.

– А что это? – довольно равнодушно поинтересовалась я, услышав незнакомое слово.

Брови господина Ито слегка приподнялись.

– У тебя явные пробелы в образовании, – недовольно заметил он. – Это одно из понятий японской эстетики, – добавил он.

– Да? – заинтересовалась я. – Но я слышала только про ваби и саби. Ну и конечно – ики. Госпожа Цутида включила их в свои лекции.

– Так, так! – живо откликнулся господин Ито. – Если быть кратким, ваби – безыскусная простота, саби – изящество, лаконичная утонченность. А сибуй – это безупречный вкус, строгая простота. Но мне хотелось бы поговорить отдельно об ики, – добавил он и посмотрел на меня с ожиданием.

– Ики – это чувственность, тонкое эротическое обаяние, шик, элегантность. Это сексуальность без вульгарности! Правильно? – уточнила я.

– Да, это суть понятия ики. И как раз эту суть ты каким-то непостижимым образом утратила. Ты сейчас именно воплощение сибуй. Как скажем, вот эта, прекрасной простоты, но очень большой цены пиала киёмидзу, – добавил он и взял со столика изящную пиалу из тонкой керамики шоколадно-коричневого цвета. – Я могу лишь отстраненно любоваться этой вечной красотой, – сказал господин Ито и аккуратно поставил пиалу на столик. – Но ведь ты прекрасная, совсем еще юная девушка, и должна буквально излучать ики.

Господин Ито придвинулся ко мне и положил мягкую ладонь на мое колено. Я откинулась на спинку дивана и закрыла глаза.

«Может, я уже выздоровела? – мелькнула мысль. – И могу заниматься сексом?»

Я невольно вспомнила, как выглядит нефритовый стебель господина Ито, его умелый быстрый язык и почувствовала легкое возбуждение. Его рука медленно двигалась вверх, и вот пальцы коснулись лобка. Он нежно начал гладить волоски, и я немного развела колени, чуть сдвинувшись бедрами вниз. Я услышала, как господин Ито глубоко вздохнул и тихо застонал, запуская пальцы в мои яшмовые ворота. Но мои мышцы мгновенно отреагировали и непроизвольно сжались в сильном и болезненном спазме, как это было постоянно в последнее время. Его пальцы тут же остановились. Я замерла, скрывая захлестнувшее меня отчаяние и стараясь не расплакаться. Господин Ито осторожно убрал руку. Я сидела тихо и не открывала глаз. Рядом послышалась какой-то шорох. Я не шевелилась, ожидая продолжения. Судя по всему, господин Ито опустился на пол. Я почувствовала, как он раздвигает мои колени, и не сопротивлялась. И вот его влажный язык коснулся моих яшмовых ворот и начал осторожно и умело ласкать. Я почувствовала новый прилив возбуждения и максимально отдалась ощущениям. Но его язык сдвинулся вниз и попытался проникнуть внутрь. Мгновенно перед внутренним взором появилось незнакомое мне, но очень мерзкое лицо мужчины с пьяными глазами и мокрым ртом, которое нависало надо мной. Я почувствовала грубые пальцы, больно выкручивающие мои соски, резкие толчки нефритового стебля, и тут же конвульсивно сжалась от невыносимой боли, пронзившей мои внутренности. Я невольно закричала, и господин Ито с испугом отпрянул.

– Что с тобой, девочка моя? – быстро спросил он. – Я сделал тебе больно?

– Извините, Ито-сан, – пробормотала я, пытаясь изо всех сил взять себя в руки и не расплакаться. – Это нервное.

– Это ты извини меня, – тихо сказал он и встал.

Он быстро вышел из гостиной, а я налила себе чай из маленького керамического чайничка и судорожно глотнула, даже не почувствовав его вкус.

«Надо что-то с этим делать, – твердила я про себя, – надо что-то делать. Так больше продолжаться не может. Зря я тогда не обратилась к врачу».

Со времени моего освобождения из сексуального рабства прошел почти год, но мое состояние оставалось без изменений. Психику я смогла быстро привести в норму при помощи техник медитаций, но вот тело так и не восстановило нормальную реакцию и отторгало любое проникновение.

«Нужно поговорить с Лизой», – почему-то подумала я.

Лиза, моя ближайшая подруга и правая рука в агентстве «Аямэ», прошла через то же, что и я, если не хуже. Она попала в рабство случайно по собственной глупости и наивности. После освобождения Лиза намного больше, чем я, провела времени в реабилитационном отделении клиники. И у нее, как и у меня, появилась проблема с сексом. Мы почти не поднимали с ней эти темы, подсознательно стараясь как можно меньше ворошить прошлое.

«Завтра же поговорю с ней», – решила я.

В этот момент вернулся господин Ито. Он, как я видела, полностью успокоился и ласково мне улыбался. Сев рядом, внимательно посмотрел мне в глаза. Я видела, что его просто распирает от желания задать волнующий его вопрос. Но пресловутая японская сдержанность взяла свое.

– Мне доставили новый инструмент для тебя, Таня, – после паузы сказал он. – Попробуешь?

Я облегченно улыбнулась и взяла футляр. Открыв его, достала части сямисэна и соединила их. Этот инструмент, что-то типа японской национальной лютни, был непременным атрибутом выступлений гейши вот уже на протяжении многих веков. Обучение игре на нем входило в обязательную программу образования.

«А ведь я давно не разучивала новых мелодий, – подумала я, старательно настраивая сямисэн. – Господин Ито абсолютно прав. Я стою на месте. Но у меня совсем нет времени», – попробовала я себя оправдать.

Заиграв нежную переливчатую мелодию «Сливы в весеннем цвету», я медленно повернулась лицом к сидящему на диване господину Ито и постаралась максимально отдаться музыке. Новый сямисэн оказался отличным инструментом, и я все больше поддавалась очарованию его журчащего, словно быстрый ручеек, звучания. Завершив исполнение, я привычно поклонилась и аккуратно убрала его в футляр.

– Спасибо, дорогая, – тихо произнес господин Ито после паузы. – Я получил истинное наслаждение. Ты, несомненно, очень талантлива. Я заказал этот инструмент лично для тебя, и его вчера доставили из Токио.

– Вы необычайно добры ко мне, Ито-сан, – тихо сказала я. – Понимаете, хочу объяснить…, – после паузы начала я и замолчала.

Рассказывать ему о рабстве оказалось выше моих сил.

– Ты можешь ничего не говорить, – подождав, сказал он. – Я понимаю, что у тебя возникли какие-то чисто психологические проблемы в отношениях со мной. Но, по-моему, я ничем и никогда не обижал тебя, – добавил он немного грустно.

– Так не только с вами, но и со всеми без исключения, – тихо призналась я. – И уже почти год. Кое-какие ужасные события произошли прошлым летом. Я не могу об этом расска-

зывать…. я подверглась жуткому насилию. И только поэтому я сейчас в таком состоянии. Мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь знал об этом, – добавила я и всхлипнула.

– Конечно, конечно, дорогая. Вот, значит, в чем дело! А я-то никак не мог понять, – быстро сказал господин Ито и вскочил.

Он стремительно засеменил по огромной гостиной, разительно напоминая катящегося колобка. И я невольно улыбнулась сквозь слезы.

– А что врачи говорят? – спросил он, останавливаясь напротив меня. – Прости, если лезу не в свое дело!

– Именно с этим вопросом я так и не обратилась, – призналась я. – Все еще не могу вспоминать….

– Хорошо, хорошо, моя дорогая! – быстро сказал он. – И не надо. Время все лечит. А может, Татьяна, тебе стоит просто сменить обстановку и куда-нибудь уехать? – предположил он. – Хочешь в Токио?

Я вздрогнула от радости. Поездка в Японию представлялась мне очень заманчивой.

– К тому же встретишься со своей знакомой. И, может, она согласится прочитать тебе еще несколько лекций. Как ее зовут? – спросил он.

– Госпожа Цутида, вы же знаете! – улыбаясь, ответила я. – Но как я могу оставить сейчас дело?

– Но ведь в школе у тебя начались каникулы. А в агентстве, наверное, есть кому тебя заменить.

– Возможно, – неуверенно произнесла я.

– О визе и остальных формальностях я сам позабочусь. Думаю, месяца тебе будет достаточно.

– Спасибо, Ито-сан! – радостно сказала я. – Возможно, это как раз то, что мне сейчас необходимо.

Обещав все взвесить и подумать над его предложением, я вежливо попрощалась и поехала домой.

Из черной записной книжки с изображением красного дракона на обложке:

Холодный лист покрыт ледком,
Под ним краснеет мертвая букашка.
Не растопить и солнечным огнем
Смертельный сон. Не жди весны напрасно.

Неизвестный японский поэт XVI в.

На следующий день я проснулась в твердой решимости поговорить с Лизой. Она целые дни проводила в приемной агентства, отвечая на телефонные звонки, записывая заказы и оформляя договора. Недавно Лиза привела себе помощницу, ее звали Злата. Когда я узнала, что их познакомил Павел Николаевич, то поначалу растерялась и испугалась.

Павел Николаевич, занимающий какой-то пост в министерстве, я никогда не выясняла, какой и в каком именно, познакомился со мной на одном из приемов, устроенных господином Ито. И получилось так, что я через какое-то время стала его госпожой, так как Павел Николаевич был мазохистом, хотя тщательно скрывал это. Но после моего пребывания в рабстве, бить, связывать, унижать кого-то, пусть даже в сексуальной игре, оказалось выше моих сил. И вдруг, к моему неприятному удивлению, юная, робкая и застенчивая, к тому же все еще не оправившаяся после тех ужасных событий Лиза неожиданно заняла мое место.

– Мне нравится причинять ему боль, – заявила она. – И ты знаешь, как я ненавижу всех мужчин!

«Но как же они вступают в интимный контакт? – думала я, быстро идя к офису от своей машины. – Ведь лучшее вознаграждение рабу – это возможность «искать зернышко». Или Лиза уже каким-то образом решила психологическую проблему и допускает до своего тела мужчину? Тогда почему я все еще не могу?»

Я постаралась принять безмятежный вид и подошла к стеклянным дверям офиса. Охранник, стоящий у входа, быстро распахнул их передо мной и вежливо поздоровался.

– Все в порядке, Слава? – поинтересовалась я.

– Все отлично, Татьяна Андреевна, – бодро ответил он.

Лиза сидела на своем рабочем месте, утопающем в цветах, и внимательно смотрела в монитор. Выглядела она, как всегда, восхитительно. Густые темные волосы она сегодня затянула в хвост, что сделало ее узкое белое лицо еще более утонченным и нежным. Огромные темно-карие глаза с длинными густыми ресницами были почти незаметно подкрашены, светло-розовые губы чуть блестели бесцветной помадой. Она подняла глаза со строгим, но приветливым выражением. Но, увидев, что это я, расцвела в улыбке.

– Танюша! – заговорила Лиза звонким голоском. – Как ты сегодня рано! Всего-то десять утра! У девушек занятия начинаются только в полдень. У тебя же вчера отчетный концерт в школе был. Я думала, ты отсыпаешься! Зачем ты так рано встала? – заботливо спросила она, выходя из-за стола.

– Да так, – неопределенно ответила я, размышляя, как приступить к важному и щекотливому разговору.

– Хочешь, принесу тебе свежий чай в кабинет? – продолжала хлопотать Лиза. – У меня есть очень вкусные конфеты, – лукаво добавила она.

– Конфеты? – слегка оживилась я.

– Да, бельгийские. Молочный шоколад в виде морских ракушек. Просто во рту тают. Это мне Павел Николаевич вчера подарил.

Я внимательно на нее глянула и прошла в свой кабинет. Лиза устроила все так, что он выглядел роскошно, но меня это немного раздражало. Темный полированный стол, обитые синим бархатом с золотыми прошивками кресла с дубовыми подлокотниками, тяжелые золотые шторы – все это, как мне казалось, не подходило по стилю к агентству, предоставляющему услуги гейш. На стенах, правда, висело несколько отличных копий японских эротических картин сюнга. Но среди этой вычурной мебели они выглядели нелепо. Цветочная композиция на моем столе тоже не соответствовала японскому стилю. Ее обычно составляла Лиза и действовала по настроению, а не по канонам искусства икебана. Вот и сегодня я увидела в белой керамической вазе никак не сочетающиеся между собой красные розы и сиреневые ирисы.

Я села за стол и задумчиво посмотрела на одну из картин. Юноша и девушка стояли в какой-то немыслимой позе во дворе. Девушка, неестественно изогнув шею, опиралась головой о стену дома. Одна ее нога была согнута в колене и высоко поднята вверх. Поднятая пола кимоно обнажила нижнюю часть тела. Ее яшмовые ворота, полностью открытые зрителю, художник изобразил преувеличено большими, в соответствие этого стиля. Как и нефритовый стебель юноши, стоящего на полусогнутых широко расставленных ногах. Его одежда была также поднята, нефритовый стебель наполовину скрывался в отверстии яшмовых ворот, но лица участников ничего не выражали. Они казались невозмутимыми масками, даже без намека на эмоции. Раньше меня возбуждали эти картины, особенно вид изображавшегося традиционно огромным нефритового стебля, но сейчас эти произведения древнего японского искусства вызывали скорее раздражение. Я вздохнула и отвела взгляд.

В этот момент в кабинет вошла Лиза, неся поднос с чайным набором.

– А вот и я! – ласково проговорила она. – Ты, наверное, заждалась? И в горле уже пересохло?

– Нет, не особо. Я смотрела на картины.

– А, на эти! – непонятным тоном сказала Лиза и слегка поморщилась. – В принципе, мы можем поменять их на что-нибудь более пристойное. Скажем, на изображения горы Фудзиямы.

– Ты сказала «горы Фудзи горы», – тихо заметила я.

– Что? – непонимающе улыбнулась Лиза.

– «Яма» переводится как «гора», – пояснила я. – Так что ты повторила это слово дважды.

– Ну, я же не обучалась в Японии! – рассмеялась Лиза. – И всех этих тонкостей не знаю.

– Извини, – мягко ответила я. – А по поводу сюнга нужно подумать.

– Что, тебе уже тоже они разонравились? – усмехнулась она. – Хорошо, я что-нибудь поищу в художественном салоне более пристойное.

Лиза поставила чашки на стол и разлила чай. Она устроилась напротив меня и внимательно посмотрела прямо в глаза.

– Танюша, у тебя что-то случилось, – констатировала она после довольно длительного молчания, во время которого буквально сканировала меня острым взглядом.

– С чего ты взяла? – спросила я, отпивая чай и опуская ресницы.

– Ни с чего! Просто я чувствую на интуитивном уровне. Ты ведь мне больше, чем сестра, – ответила Лиза.

– Вчера после концерта я ездила в гости к нашему общему другу господину Ито, – после паузы, чувствуя легкое волнение, ответила я.

– Да? – спросила Лиза.

И одна из ее тонких, красиво очерченных бровей приподнялась.

– Да, ездила, – вздохнула я.

– И что? – подтолкнула она меня.

– Абсолютно ничего!

Я встала и отошла к окну, повернувшись к Лизе спиной. Так мне, несомненно, легче было говорить с ней на эту тему.

– Хотела у тебя спросить, Лизавета, – чуть тише начала я, – а как у тебя с Павлом Николаевичем складываются интимные отношения?

После продолжительного молчания я обернулась. Лиза сидела, нахохлившись, как озябший воробей, и неподвижно смотрела в пол. Я подбежала к ней, села на корточки и попыталась заглянуть в глаза, ругая себя за бестактность. Лиза посмотрела на меня пристально, но ее глаза оставались сухими.

– Прости меня, девочка, – тихо произнесла я. – Просто у меня жуткая проблема с интимной жизнью. Я не знаю, что мне делать!

– Для тебя это так важно? – спросила Лиза.

Ее лицо разгладилось и приняло успокоенное выражение. Я встала и вернулась за стол. Отпив уже остывший чай, устало проговорила:

– Я ведь все-таки гейша. Это, конечно же, ни в коей мере не проститутка, но без секса моей карьере конец. Даже господин Ито вчера отметил, что я утратила эротическое обаяние и от этого словно погасла. Мы-то с тобой знаем, отчего это происходит со мной. Но другим невдомек. Вот я и решила спросить у тебя об этой проблеме. Может, ты нашла какой-то способ справиться с этим?

– Я и не искала, – сказала Лиза. – Мне это не нужно. Я прекрасно живу без секса и считаю, что ничего более отвратительного, чем акт совокупления, и быть не может. Я ненавижу даже вид члена, и Павел Николаевич, по моему требованию, всегда при мне ходит в короткой юбочке в складку, типа клетчатого килта, которую я ему сама сшила. Скорее не ходит, а ползает на четвереньках в голом виде и в этой юбочке, – неожиданно добавила она и расхохоталась.

– Лиза! – немного укоризненно сказала я и нахмурилась. – Я всегда уважаю мужчину, который рядом со мной, каким бы он ни был странным в своих сексуальных пристрастиях.

– Так это ты! – ответила она. – А я считаю, что мне повезло, и судьба предоставила мне игрушку для моих прихотей в лице одного из мерзких представителей класса самцов. И я мучаю его в свое удовольствие. Хотя и у моего раба бывают минуты наивысшего блаженства.

– Да? – оживилась я.

– Я иногда под настроение позволяю ему целовать кое-где, но только целовать и ничего больше, – шепотом сказала она. И громко добавила: – Он потом неделю счастлив, идиот!

Мы замолчали. Я задумчиво вертела карандаш в пальцах и не сводила глаз с раскрасневшегося лица Лизы. Сейчас я понимала, что дельного совета от нее ждать не приходится. Видимо, придется обратиться к врачу, чего мне делать совершенно не хотелось.

– Не волнуйся обо мне, – сказала она, глядя на меня встревожено. – А то на тебе лица нет.

Ведь это всего лишь забавная игра!

– Я беспокоюсь, – ответила я. – Такая игра не вполне нормальна.

– Таня! Я вполне взрослая женщина и отдаю себе отчет! – рассердилась Лиза.

– Тебе всего лишь восемнадцать, – заметила я и вздохнула.

– Цифры в паспорте ничего не значат, – сказала Лиза.

«А может, на самом деле организовать проведение настоящих чайных церемоний, а Лизу попросить стать тядзин[3]?» – подумала я.

Когда я жила в Токио, то несколько раз присутствовала на подобных церемониях.

Тядзин играла на них главную роль. Она была ведущей всего действа и задавала тон.

«Попрошу Лизу внимательно изучить искусство традиционной церемонии. А это очень сложное и интригующее по своей сути дело, – размышляла я. – Это вам не наши «шесть стаканов чая с малинишным вареньем» после бани. Это целый обряд. И у нас мало кто с ним знаком. Лизе будет интересно и точно отвлечет ее. Да и помещение нужно будет полностью переоборудовать».

Приняв это решение, я немного успокоилась.

Из светло-зеленой записной книжки с изображением горы Фудзи на обложке:

Будь прям, как стебель гладиолуса,
Но и цвети, как он.
Прямой и стойкий – слава воинства,
Но с нежною душой…

Неизвестный японский поэт XV в.

Господин Ито в конце недели все-таки устроил вечеринку и пригласил меня выступить в качестве гейши Аямэ. Я обрадовалась и решила не ударить в грязь лицом.

– А мои девушки Идзуми и Сакура? – поинтересовалась я.

– Не стоит их брать, – нехотя проговорил господин Ито. – Они, несомненно, прекрасны, но пока абсолютно не гейши. А мне очень важно впечатление господина Миуры, я же тебе говорил. Если он сочтет возможным, то подпишет с нами очень выгодный контракт. Пойми, Таня, сложность ситуации. Ведь я, практически один, олицетворяю здесь всю нашу фирму. Идзуми и Сакура – отличные подделки, вернее, сырые работы мастера, – поправился он, – а

[3] тядзин – хозяйка чайной церемонии.

мы, японцы, ценим только законченные произведения искусства, – добавил он. – Работай и преврати их в таковых.

– Я поняла, Ито-сан, – ответила я и опустила глаза.

– Впрочем, – задумчиво произнес он, – можешь взять с собой твою сотрудницу Лизу. Она необыкновенно утонченная и воспитанная девушка и украсит любую компанию.

Я с радостью согласилась.

Я думала, что господин Ито соберет гостей в загородном доме, как он это обычно делал, или в квартире на Ордынке. Но он пригласил всех в какой-то неизвестный мне ночной клуб, находящийся в небольшом подвальном помещении в одном из переулков Арбата. Для меня это представляло определенную сложность, так как я не знала, смогу ли там переодеться и загримироваться. В день вечеринки я позвонила господину Ито, чтобы это выяснить.

– Не волнуйся, Таня, там есть комната отдыха для персонала. В ней и переоденешься, я договорился. А клуб я снял на всю ночь. Так что мы будем одни. И гостей, в общем-то, немного. Узкий круг друзей. Я решил не собирать шумную многолюдную толпу. Знаю я вас, русских. Это обычно заканчивается массовой попойкой. А мне сейчас это ни к чему. Господин Миура впервые в вашей стране. Зачем его сразу так пугать? – неожиданно хихикнул он.

– Вы правы, – улыбнулась я.

Лиза, к моему удивлению, с удовольствием приняла приглашение. Она предпочитала проводить время допоздна на работе или в обществе Павла Николаевича, поэтому ее готовность повеселиться где-то на стороне я сочла хорошим признаком.

– А мой раб приглашен, не знаешь? – все-таки спросила она. – Ведь он в прекрасных отношениях с твоим Ито.

– Не знаю, Лизонька, – ответила я. – Если приглашен, он сам тебе об этом доложит. Но учти, что я поеду намного раньше, мне нужно загримироваться уже на месте.

– Хорошо. Скажи мне адрес, и я появлюсь в срок, – спокойно сказала она.

Когда я подъехала к клубу, то сразу поняла, почему господин Ито остановил свой выбор именно на нем. Над входом светилось название «Ветка сакуры», внутри все было оформлено в японском стиле. Подхватив сумку, я прошла в сопровождении администратора в отведенную мне комнату.

– Простите, а у вас проводятся чайные церемонии? – решила я задать ему вопрос.

– Мы думали об этом, – с готовностью ответил администратор, молодой парень, похожий на китайца. – Но ведь у нас ночной клуб, в основном, для молодежи, с баром и караоке. Коктейли носят названия типа фирменного «Ветка сакуры» или «Меч самурая», а на самом деле это стандартные водочные или ликерные смеси. К примеру, обычная «Кровавая Мэри» у нас называется «Кровь дракона». Это просто стилизация под Японию на потребу моде. Народ хочет чего-нибудь экзотического, вот директор и решил все переделать. Раньше здесь находилось вообще стандартное кафе-мороженое. Так что настоящая чайная церемония, боюсь, не покатит для постоянной публики.

– Ясно, – улыбнулась я. – А как вы думаете, это было бы интересно для состоятельных господ?

– Трудно сказать, – задумчиво ответил он. – Только если для очень узкого круга. А вы – японка? – неожиданно спросил он.

– На четверть, – рассмеялась я. – И работаю гейшей.

– Как интересно! – с воодушевлением заметил администратор, наблюдая, как я открываю сумку и достаю черное шелковое кимоно с узором из золотых бамбуковых веточек. – Жаль, что заказчик, господин Ито, запретил персоналу показываться в зале. Но я буду наблюдать за вами в щелочку, – тихо засмеялся он.

– Конечно, – улыбнулась я. – А сейчас…

– Да, да, я удаляюсь, – тут же понял он и мгновенно и бесшумно испарился, словно его и не было.

«Когда появится Лиза, надо будет улучить минутку и поговорить с ней об организации чайной церемонии, – подумала я, доставая из коробки гэта. – Атмосфера здесь самая подходящая, и Лиза быстрее проникнется идеей».

Но все вышло совсем не так, как я планировала.

Вечеринка была в самом разгаре, а Лиза все еще не появилась. Я в образе гейши, с набеленным лицом и в парике прически кэйсэй-симада, медленно прохаживалась между гостями, уделяя всем достаточное внимание и вступая в различные беседы. Наиболее часто я, естественно, подходила к господину Ито и его важному гостю господину Миуре. Тот оказался совсем молодым на вид японцем с узким желтым лицом, большими светло-карими глазами и довольно пухлыми губами. Он совсем не говорил по-русски, зато отлично владел английским, и явно обрадовался, что я хорошо знаю этот язык. Я видела, что он чувствует себя в новой обстановке немного неуютно, к тому же он только несколько дней назад прилетел из Токио и еще не акклиматизировался. Разница во времени также давала о себе знать. Я понимала это и старалась сделать все, чтобы господин Миура чувствовал себя как дома. Он иногда с нескрываемым любопытством поглядывал на меня, но вопросов пока не задавал. Говорили в его обществе, в основном, я и господин Ито. Плохо в данной ситуации было то, что господин Миура отчего-то наотрез отказался от спиртного. Я подливала гостям теплое саке, отвечала на шутки, потом исполнила несколько номеров на сямисэне. Краем глаза видела, что господин Миура слушает с удовольствием. После моего выступления он подошел и выразил восхищение. Я увидела, что он чувствует себя уже более непринужденно.

Два официанта подали закуски, разнообразные бутерброды с рыбой, роллы и суши, выложенные на плоские керамические блюда, и быстро удалились из зала. Столики были низкими и квадратными, из какого-то темного дерева, на полу лежали толстые циновки, стены украшали огромные раскрытые веера с яркими рисунками, бра были в виде красных фонариков с шелковыми кистями на концах и черными иероглифами на боках. Гости уселись за столики прямо на пол и с удовольствием принялись за еду. Господин Миура наконец-то расслабился и тоже начал уплетать закуски, о чем-то оживленно переговариваясь с господином Ито. Потом он жестом подозвал меня и пригласил присоединиться к их столику. Но только я, поблагодарив, опустилась на циновки рядом с ним, аккуратно подобрав длинные полы кимоно и подняв кувшинчик с саке, чтобы подлить господину Ито, произошло почти одновременно два события.

В дверях появился господин Кобаяси. Это был наш общий друг. Он работал секретарем посольства, его дочь Кихару училась в школе, где я преподавала в танцевальной студии. При его появлении господин Ито сразу встал и направился к новому гостю. Тот извинился за опоздание и приветливо поздоровался с присутствующими. Господин Ито пригласил его за наш столик, познакомил с господином Миура и спросил немного шутливо, не видел ли он по дороге где-то застрявшего Павла Николаевича, которого он тоже пригласил на вечеринку.

– Он мне не попался, – так же шутливо ответил господин Кобаяси, улыбаясь черными щелочками глаз.

Он кивнул мне, и его глаза блеснули. Таня и Аямэ были для него разными людьми, но мне казалось, он давно догадывался, что это один человек.

В этот момент раздался какой-то странный лай, сменившийся жалобным скулением, и в зал вошла Лиза. Я так растерялась, что застыла на месте, не сводя с нее глза. Лиза была одета необычайно элегантно. Строгий белый костюм, состоящий из узкой юбки и короткого приталенного жакета, плотно облегал ее стройную изящную фигуру. Его дополняли газовый шарфик черного цвета в белый горошек, свободно свисающий вдоль низко расстегнутого выреза, и черная шляпа с небольшой вуалеткой, опущенной на глаза и почти скрывающей верхнюю часть лица. Зато четко были видны губы, густо накрашенные алой блестящей помадой. Лиза надела

черные туфли на необычайно высокой и тонкой шпильке и, как мне показалось, с трудом стояла на них. Потом только я поняла, что она сильно пьяна. Рукой в черной узкой перчатке Лиза держала поводок, на конце которого я увидела пристегнутого за ошейник Павла Николаевича, стоящего на четвереньках с опущенной головой.

– А с собаками сюда можно? – тонко и капризно спросила Лиза и легко пнула узким носком туфельки Павла Николаевича.

Он сильно вздрогнул всем телом и вновь заскулил.

– Ты опять за свое, скотина?! – взвизгнула Лиза и пнула его сильнее, с трудом удержавшись на ногах.

В зале воцарилась мертвая тишина. Я увидела, как лицо господина Ито заливается краской. Он беспомощно глянул на меня, потом перевел взгляд на своего важного гостя. Тот смотрел с живым любопытством, видимо, не понимая, что происходит. Я уже хотела вмешаться, но господин Кобаяси опередил меня. Он мгновенно понял, в чем дело, и ринулся к Лизе.

– Мадам, вы ошиблись адресом, – громко проговорил он, выводя ее из зала.

Павел Николаевич полз за ними на четвереньках.

– Ничего я не ошиблась! – попробовала возмутиться Лиза. – Меня Таня пригласила! Слышь, япошка? Где она?!

– Здесь нет никакой Тани, – уверенно сказал господин Кобаяси и вывел ее за дверь.

Гости облегченно засмеялись и принялись за еду.

– Загадочная русская душа, – попробовал исправить впечатление господин Ито, улыбаясь и кланяясь, словно это зрелище входило в программу вечера.

– Yes, yes, – кивал ему в такт господин Миура и тоже улыбался.

Когда вернулся господин Кобаяси, мы отошли в сторону.

– Я посадил их в такси, – тихо ответил он на мой немой вопрос. – Хорошо еще, что Павла Николаевича никто из присутствующих, кроме господина Ито, не знает. А то скандала бы не избежать, – добавил он, внимательно глядя мне в глаза.

– Это ужасно, – прошептала я. – И я завтра же серьезно поговорю с Лизой.

– Не стоит придавать этому такое уж значение, – мягко произнес он. – Во-первых, они оба пьяны, во-вторых, мазохист – это суть и с этим ничего не поделаешь. Повлиять на это невозможно. Главное, что эта пара в гармонии.

«Японцы все об одном, – подумала я, вздохнув. – Ох, уж эта их пресловутая гармония!»

– Припоминаю, милая Аямэ, – после паузы тихо проговорил господин Кобаяси, хитро на меня глядя, – один из вечеров в загородном доме нашего общего друга Ито. Тогда Павел Николаевич неожиданно рухнул к ногам некоей Тани и прижался губами к ее туфельке. Сейчас я, кажется, начинаю понимать подоплеку всей этой странной истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.